
ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 327

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ¹

А. А. Горбунова, С. Г. Максимова, М. В. Плотникова, М. А. Гришанова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: nastia_gorbunova@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,
marina_plotnikova21@bk.ru, maria-ov@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)4-04

Актуальность научного осмысления социального доверия обусловлена сохранением устойчивой системы государственных, политических институтов и поиском оптимальных условий становления институтов гражданского общества в современном российском социуме. В статье представлены результаты анализа факторов формирования доверия в контексте сохранения социальной безопасности приграничных регионов Российской Федерации. В результате анализа данных социологического исследования, проведенного в шести субъектах (Алтайский и Хабаровский края, Амурская, Омская, Оренбургская области, Республика Алтай) получены модели факторов формирования социального доверия в кластерах с разным потенциалом безопасности: интегральным (высоким), условно интегральным, кризисным и низким уровнем социальной безопасности.

Выявлено, что в регионах с условно интегральным, кризисным и низким уровнем социальной безопасности на первый план выходят условия обеспечения отдельных направлений безопасности. Установлено, что в регионах с условно интегральным и низким уровнем социальной безопасности полу-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-011-00417 А «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019–2021).

чены практически идентичные модели факторов социального доверия, что может говорить о схожести оценок этих показателей данных субъектов экспертами. Сделан вывод о взаимообусловленности социальной безопасности и социального доверия, выступающих фундаментом для формирования институтов гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: социальное доверие, факторы доверия, социальная безопасность, приграничные регионы, некоммерческие организации, гражданское общество, институты

FACTORS OF FORMATION OF SOCIAL TRUST IN BORDER REGIONS OF RUSSIA

A. A. Gorbunova, S. G. Maximova, M. V. Plotnikova, M. A. Grischanova

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: nastia_gorbunova@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,
marina_plotnikova21@bk.ru, maria-ov@mail.ru*

The scientific understanding of social trust is important for the preservation of a stable system of state and political institutions and the search for optimal conditions for the formation of civil society institutions in modern Russian society. The article presents the results of the analysis of trust-building factors in the context of maintaining the social security of the border regions of the Russian Federation. Based on the data from a sociological study conducted in six regions (Altai Territory, Amur Region, Omsk Region, Orenburg Region, Altai Republic, Khabarovsk Territory), models of factors for the formation of social trust in clusters with different security potential were obtained. It was revealed that in regions with conditionally integral, crisis and low levels of social security, the conditions for ensuring certain areas of security come to the fore. It was established that in regions with a conditionally integral and low level of social security, almost identical models of social trust factors were obtained, which can indicate the similarity of estimates of these indicators by experts of these subjects. The conclusion was made about the interdependence of social security and social trust, which are the foundation for the formation of civil society institutions in modern Russia.

Keywords: social trust, trust factors, social security, border regions, non-profit organizations, civil society, institutions

Введение

Социальное доверие является одной из основных социологических категорий. Как правило, доверие рассматривается в качестве важнейшего фактора, определяющего социальные отношения. Именно общественное доверие обеспечивает интеграцию и стабильность повседневной жизни как отдельных людей, так и всего общества в целом. Такой подход к рассмотрению данного феномена обуслов-

лен его комплексной природой, пронизывающей все уровни социального взаимодействия — от ближайшего окружения человека до общественных организаций и властных структур (Реутов и др., 2014).

По мнению Г. М. Заболотной, проблема доверия в современном научном дискурсе актуализируется такими обстоятельствами, как угроза войн, терроризма, экологические риски; возросшая сложность общества как следствие углубления структурной и ролевой дифференциации; плюрализация социальных ролей, выполняемых индивидом в современном обществе; увеличение количества структурных элементов и формирование более сложных сетей их взаимодействия, в значительной степени обезличенных, которые, в свою очередь, формируют ощущение непонятности законов, лежащих в основе общественного развития; возросшая степень свободы человека, которая предполагает не только добровольность в принятии многих социальных обязательств и ролей, но и автономность выбора в том, как они будут исполнены; новый характер риска (Заболотная, 2003: 82–83).

В научной литературе принято говорить о доверии в личностном и общественном контексте. Доверие в личностном плане, как правило, связано с удовлетворением базовых человеческих потребностей, и прежде всего потребностью индивида в безопасности. Но все большую актуальность в настоящее время принимает изучение доверия населения к государственным и гражданским институтам. Более того, общественное доверие рассматривается в качестве важного условия формирования и становления гражданского общества и развития демократических институтов в России. Исследования показывают, что высокие показатели доверия положительно коррелируют с социальной активностью граждан, их вовлеченностью в работу общественных организаций (Максимова и др., 2016, 2017). Именно дефицит доверия может являться существенным препятствием для эффективного функционирования общественных институтов. Признается, что низкое доверие населения порождает отсутствие желания участвовать в общественно-политической жизни страны и нарастание пессимистических отношений в обществе.

При этом формирование доверия в обществе обусловлено различными факторами.

В самом широком виде авторами признается влияние на формирование доверия в масштабах государства национальной культуры и традиций народов той или иной территории, а также в целом их исторического опыта.

М. В. Морев выделяет четыре группы факторов, оказывающих существенное влияние на формирование институционального доверия: традиционные для переходного общества с рыночной экономикой; связанные с исторической, социокультурной спецификой Российской Федерации; связанные со спецификой российской трансформации последних десятилетий, связанные с современными проблемами эффективности государственного управления (Морев, 2018: 96). Е. А. Орехова упоминает о корреляции доверия с такими показателями, как: уровень дохода, уровень образования, место проживания, национальность, регион проживания, отношение к религии, оптимизм или пессимизм в отношении будущего, гражданская позиция, волонтерская активность, стиль потребления (Орехова, 2016).

М. Ю. Малкина и соавторы в качестве основных институциональных факторов политического доверия рассматривают воспринимаемую респондентами эффективность органов власти, степень их вовлеченности в коррупцию, уровень межличностного доверия, а также социально-экономическое положение домохозяйств (Малкина и др., 2020). М.И. Черепанова и соавторы отмечают, что генерализованное, или обобщенное, доверие коррелирует с высоким уровнем образования, может расти на фоне увеличения доходов, повышения социального статуса, увеличения продолжительности жизни и удовлетворенности ее базовыми аспектами, реализации в обществе гуманистических ценностей, и обратно пропорционально социальному расслоению и росту уровня бедности (Черепанова и др., 2020).

Другим немаловажным фактором, способствующим повышению уровня доверия в обществе, является социальная безопасность. При удовлетворительном состоянии индикаторов социальной безопасности устанавливается и достаточно высокий уровень доверия в обществе, поэтому на основании данных о межличностном и институциональном доверии можно делать выводы о наличии или отсутствии социальных проблем (Максимова, 2020: 459).

Методы исследования

Цель данной статьи — анализ факторов формирования социального доверия в контексте сохранения социальной безопасности. Эмпирическую базу исследования составили данные социологического исследования «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России», проведенного научным коллективом Алтайского государственного университета в шести приграничных субъектах: Алтайский край, Амурская, Омская, Оренбургская области, Республика Алтай, Хабаровский край.

Методом сбора информации послужил экспертный опрос представителей общественных, некоммерческих организаций, органов исполнительной власти субъектов (n=146).

В качестве факторов, определяющих уровень общественного доверия, были рассмотрены показатели: социальное самочувствие населения, деятельность некоммерческих организаций и показатели различных видов безопасности.

В ходе исследования анализировались модели, полученные в четырех кластерах, сгруппированных в зависимости от уровня социальной безопасности той или иной территории:

- первый кластер «Интегральный (высокий) уровень социальной безопасности (Хабаровский край);
- второй кластер «Условно интегральный уровень социальной безопасности» (Омская область, Оренбургская область);
- третий кластер «Кризисный уровень социальной безопасности» (Алтайский край, Амурская область»);
- четвертый кластер «Низкий уровень социальной безопасности» (Республика Алтай). Разбиение регионов по кластерам проводилось на основе типологии приграничных регионов по факторам социальной безопасности, разработанной при

участии авторов на предыдущих этапах исследования (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2020).

Обработка данных проводилась с использованием компьютерной программы IBM SPSS Statistics 20 с применением методов факторного анализа.

Результаты

Переходя к результатам исследования, рассмотрим полученные факторные структуры в каждом из выделенных кластеров.

Факторная модель: первый кластер «Интегральный (высокий) уровень социальной безопасности» (Хабаровский край)

В данной группе в результате проведения факторного анализа по методу главных компонент было извлечено три фактора с собственными значениями больше единицы. Факторы, полученные в результате вращения по методу Варимакс, описывают 57,5% общей дисперсии.

В первый фактор, описывающий 21,8% дисперсии со значимой нагрузкой, вошли утверждения, характеризующие деятельность некоммерческих организаций по стимулированию активности граждан по созданию и участию в деятельности данных организаций (0,749); участие некоммерческих организаций в законотворчестве (0,826); проведение некоммерческими организациями работы по общественной экспертизе и общественному контролю деятельности органов (0,780); информационная деятельность некоммерческих организаций, создание общественных СМИ (0,760); реализация проектной деятельности, направленной на решение социальных проблем или их минимизацию, оказание социальных услуг (0,710); консолидация гражданского общества, развитие взаимосвязей между некоммерческими организациями, создание ассоциаций (0,920). Также в данный фактор вошли показатели, отражающие наличие в региональном социуме гражданской солидарности (0,570) и социальной активности (0,855) (таблица 1).

Второй фактор описывает 21,2% дисперсии и включает показатели социальной ответственности в обществе (0,647); равнодушие, нежелание участвовать в делах общества (–0,598); пессимизм, апатию, отсутствие веры в будущее (–0,774); тревоги и страхи, вызванные состоянием общественных отношений, безопасностью жизни, положением дел в государстве и за его пределами (–0,825) (таблица 1).

А также условия для обеспечения таких видов безопасности, как: национальная безопасность, суверенность российского государства (0,602); общественная безопасность, общественный порядок (0,581); безопасность политической системы, политических институтов (0,561); социальная безопасность, благоприятные социальные отношения между социальными группами (0,640); безопасность в межэтнической и межконфессиональной сферах (0,541); экономическая безопасность (0,777) (таблица 2).

В третий фактор, информативность которого составила 14,5%, вошли следующие показатели: информационная безопасность (0,784); экологическая безопасность (0,770); миграционная безопасность (0,737); культурная безопасность, защита культурного многообразия, этнической и религиозной идентичностей (0,733) (таблица 2).

Таблица 1.

Результаты факторного анализа факторов социального доверия
в первом и втором кластерах (начало)

Характеристики	Первый кластер			Второй кластер		
	Компоненты			Компоненты		
	1	2	3	1	2	3
Стимулирование активности граждан по созданию и участию в деятельности некоммерческих организаций	0,749				0,753	
Участие некоммерческих организаций в законотворчестве	0,826				0,803	
Проведение некоммерческими организациями работы по общественной экспертизе и общественному контролю деятельности органов	0,780				0,774	
Информационная деятельность некоммерческих организаций, создание общественных СМИ	0,760				0,861	
Реализация проектной деятельности, направленной на решение социальных проблем или их минимизацию, оказание социальных услуг	0,710				0,774	
Консолидация гражданского общества, развитие взаимосвязей между некоммерческими организациями, создание ассоциаций	0,920				0,879	
Гражданская, общественно-политическая активность					0,736	
Социальная ответственность		0,647			0,682	
Гражданская солидарность	0,570				0,651	
Социальная активность, общественные инициативы	0,855				0,697	
Равнодушие, нежелание участвовать в делах общества		-0,598				-0,916
Пессимизм, апатия, отсутствие веры в будущее		-0,774				-0,940
Тревоги и страхи, вызванные состоянием общественных отношений, безопасностью жизни, положением дел в государстве и за его пределами и т.д.		-0,825				-0,803

Факторная модель: второй кластер «Условно интегральный уровень социальной безопасности» (Омская, Оренбургская области)

В регионах с условно высоким уровнем безопасности была получена трехфакторная структура, объясняющая 74,4% общей дисперсии. В первый фактор

с информативностью 31,5% вошли показатели безопасности. А именно: национальная безопасность, суверенность российского государства (0,853); общественная безопасность, общественный порядок (0,883); безопасность политической системы, политических институтов (0,847); социальная безопасность, благоприятные социальные отношения между социальными группами (0,809); демографическая безопасность, обеспечение воспроизводства населения (0,658); безопасность в межэтнической и межконфессиональной сферах (0,905), экономическая безопасность (0,711); информационная безопасность (0,730), экологическая безопасность (0,509), миграционная безопасность (0,720), культурная безопасность, защита культурного многообразия, этнической и религиозной идентичностей (0,761) (таблица 2).

Таблица 2.

Результаты факторного анализа факторов социального доверия в первом и втором кластерах (продолжение)

Характеристики	Первый кластер			Второй кластер		
	Компоненты			Компоненты		
	1	2	3	1	2	3
Национальная безопасность, суверенность российского государства		0,602		0,853		
Общественная безопасность, общественный порядок		0,581		0,883		
Безопасность политической системы, политических институтов		0,561		0,847		
Социальная безопасность, благоприятные социальные отношения между социальными группами		0,640		0,809		
Демографическая безопасность, обеспечение воспроизводства населения				0,658		
Безопасность в межэтнической и межконфессиональной сферах		0,541		0,905		
Экономическая безопасность		0,777		0,711		
Информационная безопасность			0,784	0,730		
Экологическая безопасность			0,770	0,509		
Миграционная безопасность			0,737	0,720		
Культурная безопасность, защита культурного многообразия, этнической и религиозной идентичностей			0,733	0,761		

Второй фактор данной структуры объясняет 29,8% дисперсии и отражает различные направления деятельности некоммерческих организаций: стимулирование активности граждан по созданию и участию в деятельности данных организаций (0,753); участие некоммерческих организаций в законотворчестве (0,803); проведе-

ние некоммерческими организациями работы по общественной экспертизе и общественному контролю деятельности органов (0,774); информационную деятельность некоммерческих организаций, создание общественных СМИ (0,861); реализацию проектной деятельности, направленной на решение социальных проблем или их минимизацию, оказание социальных услуг (0,774); консолидацию гражданского общества, развитие взаимосвязей между некоммерческими организациями, создание ассоциаций (0,879) (таблица 1).

Также во второй фактор вошли переменные, отражающие наличие в обществе гражданской и общественно-политической активности (0,736); социальной ответственности (0,682); гражданской солидарности (0,651) и социальной активности населения, общественных инициатив (0,697).

В третий фактор, описывающий 13,1% дисперсии с отрицательными коэффициентами, попали равнодушие, нежелание участвовать в делах общества (-0,916); пессимизм, апатия, отсутствие веры в будущее (-0,940); тревоги и страхи, вызванные состоянием общественных отношений, безопасностью жизни, положением дел в государстве и за его пределами (-0,803) (таблица 1).

Факторная модель: третий кластер «Кризисный уровень социальной безопасности» (Алтайский край, Амурская область)

В третьем кластере в результате факторного анализа было объяснено 60,1% общей дисперсии. В первый фактор с информативностью 25,6%, как и в группе с условно высоким уровнем безопасности, вошли переменные, отражающие условия для обеспечения в регионах различных уровней безопасности. А именно: национальной безопасности, суверенности российского государства (0,748); общественной безопасности (0,735); безопасности политической системы, политических институтов (0,603); социальной безопасности, благоприятных социальных отношений между социальными группами (0,680); демографической безопасности (0,525); безопасности в межэтнической и межконфессиональной сферах (0,736), экономической безопасности (0,810); информационной безопасности (0,637), экологической безопасности (0,539), миграционной безопасности (0,825), культурной безопасности, защите культурного многообразия, этнической и религиозной идентичностей (0,672) (таблица 4).

А также деятельность некоммерческих организаций по реализации проектной деятельности, направленной на решение социальных проблем или их минимизацию, оказание социальных услуг (0,543).

Второй фактор данной структуры объясняет 22,1% общей дисперсии. В него вошли показатели деятельности некоммерческих организаций, а именно: стимулирование активности граждан по созданию и участию в деятельности данных организаций (0,614); участие некоммерческих организаций в законотворчестве (0,826); проведение некоммерческими организациями работы по общественной экспертизе и общественному контролю деятельности органов (0,796); информационная деятельность некоммерческих организаций, создание общественных СМИ (0,696); консолидация гражданского общества, развитие взаимосвязей между некоммерческими организациями, создание ассоциаций (0,831). А также наличие в обществе

гражданской и общественно-политической активности (0,629); социальной ответственности (0,701); гражданской солидарности (0,501) и социальной активности населения, общественных инициатив (0,617) (таблица 3).

Таблица 3.

Результаты факторного анализа факторов социального доверия в третьем и четвертом кластерах (начало)

Характеристики	Третий кластер			Четвертый кластер		
	Компоненты			Компоненты		
	1	2	3	1	2	3
Стимулирование активности граждан по созданию и участию в деятельности некоммерческих организаций		0,614		0,881		
Участие некоммерческих организаций в законотворчестве		0,826		0,858		
Проведение некоммерческими организациями работы по общественной экспертизе и общественному контролю деятельности органов		0,796		0,915		
Информационная деятельность некоммерческих организаций, создание общественных СМИ		0,696		0,927		
Реализация проектной деятельности, направленной на решение социальных проблем или их минимизацию, оказание социальных услуг	0,543			0,867		
Консолидация гражданского общества, развитие взаимосвязей между некоммерческими организациями, создание ассоциаций		0,831		0,705		
Гражданская, общественно-политическая активность		0,629		0,748		
Социальная ответственность		0,701		0,779		
Гражданская солидарность		0,501		0,777		
Социальная активность, общественные инициативы		0,617		0,763		
Равнодушие, нежелание участвовать в делах общества			-0,811			-0,755
Пессимизм, апатия, отсутствие веры в будущее			-0,848			-0,914
Тревоги и страхи, вызванные состоянием общественных отношений, безопасностью жизни, положением дел в государстве и за его пределами и т.д.			-0,709			-0,811

В третий фактор с 12,4% объясненной дисперсией с отрицательными коэффициентами входят показатели социального самочувствия граждан: равнодушие, нежелание участвовать в делах общества (-0,811); пессимизм, апатия, отсутствие веры в будущее (-0,848); тревоги и страхи, вызванные состоянием общественных отношений, безопасностью жизни, положением дел в государстве и за его пределами (-0,709) (таблица 3).

Факторная модель: четвертый кластер «Низкий уровень социальной безопасности» (Республика Алтай)

В данной группе в результате проведения факторного анализа по методу главных компонент было извлечено три фактора с собственными значениями больше единицы. Факторы, полученные в результате вращения по методу Варимакс, описывают 71,8% общей дисперсии.

В первый фактор, описывающий 31,6% дисперсии со значимой нагрузкой, вошли утверждения, характеризующие деятельность по стимулированию активности граждан по созданию и участию в деятельности некоммерческих организаций (0,881); участие некоммерческих организаций в законотворчестве (0,858); проведение некоммерческими организациями работы по общественной экспертизе и общественному контролю деятельности органов (0,915); информационная деятельность некоммерческих организаций, создание общественных СМИ (0,927); реализация проектной деятельности, направленной на решение социальных проблем или их минимизацию, оказание социальных услуг (0,867); консолидация гражданского общества, развитие взаимосвязей между некоммерческими организациями, создание ассоциаций (0,705) (таблица 3). Отдельные направления обеспечения общественной безопасности, а именно: безопасность политической системы, политических институтов (0,817); социальная безопасность, благоприятные социальные отношения между социальными группами (0,748); демографическая безопасность, обеспечение воспроизводства населения (0,742); экономическая безопасность (0,818) и информационная безопасность (0,825) (таблица 4).

Также в данный фактор вошли показатели гражданской, общественно-политической активности (0,748), гражданской солидарности (0,777), социальной ответственности (0,779) и социальной активности (0,763) (таблица 3).

Второй фактор описывает 22,3% дисперсии и включает показатели национальной безопасности, суверенности российского государства (0,683); общественной безопасности, общественного порядка (0,715); безопасности в межэтнической и межконфессиональной сферах (0,823); экологической безопасности (0,826); миграционной безопасности (0,730) и культурной безопасности, защиты культурного многообразия, этнической и религиозной идентичностей (0,885) (таблица 4).

В третий фактор, информативность которого составила 17,9%, вошли показатели: равнодушие, нежелание населения участвовать в делах общества (-0,755); пессимизм, апатия, отсутствие веры в будущее (-0,914); тревоги и страхи, вызванные состоянием общественных отношений, безопасностью жизни, положением дел в государстве и за его пределами (-0,811) (таблица 4).

Таблица 4.

Результаты факторного анализа факторов социального доверия в третьем и четвертом кластерах (продолжение)

Характеристики	Третий кластер			Четвертый кластер		
	Компоненты			Компоненты		
	1	2	3	1	2	3
Национальная безопасность, суверенность российского государства	0,748				0,683	
Общественная безопасность, общественный порядок	0,735				0,715	
Безопасность политической системы, политических институтов	0,603			0,817		
Социальная безопасность, благоприятные социальные отношения между социальными группами	0,680			0,748		
Демографическая безопасность, обеспечение воспроизводства населения	0,525			0,742		
Безопасность в межэтнической и межконфессиональной сферах	0,736				0,823	
Экономическая безопасность	0,810			0,818		
Информационная безопасность	0,637			0,825		
Экологическая безопасность	0,539				0,826	
Миграционная безопасность	0,825				0,730	
Культурная безопасность, защита культурного многообразия, этнической и религиозной идентичностей	0,672				0,885	

Обсуждение и заключение

В результате построения факторных моделей в выделенных кластерах в регионах с условно интегральным и низким уровнем социальной безопасности были получены практически идентичные модели, что может говорить о схожести оценок этих показателей данных субъектов экспертами. Обобщая в целом результаты факторного анализа, можно отметить, что для региона с интегральным уровнем социальной безопасности на первом месте в ряду факторов оказались конкретные направления деятельности некоммерческих организаций, играющих важную роль в формировании институтов гражданского общества, а также такие проявления, как гражданская солидарность и социальная активность населения. На втором месте — отсутствие в обществе таких негативных тенденций, как пессимизм, равнодушие, тревоги и страхи, а также условия для обеспечения отдельных видов безопасности. При этом информационная, экологическая, миграционная и культурная безопасность для регионов с высоким уровнем социальной безопасности

является чуть менее значимой и составляет только третий фактор полученной структуры.

В регионах с условно интегральным и критическим уровнем социальной безопасности, в свою очередь, на первое место выходят именно условия обеспечения всех без исключения видов социальной безопасности. Во вторую очередь для экспертов данных регионов играет роль деятельность некоммерческих организаций, а также гражданская, общественно-политическая и социальная активность населения, гражданская солидарность и социальная ответственность. И лишь в третью очередь — отсутствие в региональном социуме пессимизма, равнодушия, тревог и страхов, вызванных состоянием общественных отношений.

И наконец в регионе с низким уровнем социальной безопасности первостепенное значение имеют, во-первых, деятельность некоммерческих организаций, во-вторых, гражданская, общественно-политическая и социальная активность населения, наличие гражданской солидарности и социальной ответственности среди граждан и, в-третьих, обеспечение отдельных видов безопасности. При этом национальная безопасность, общественный порядок, безопасность в межэтнической и межконфессиональной сферах, экологическая, миграционная и культурная безопасность акцентирована лишь во вторую очередь. Данные особенности, вероятно, можно объяснить слабой развитостью институтов гражданского общества в регионе и спецификой его географического положения, культурных и исторических особенностей. В третью очередь в регионе с низким уровнем социальной безопасности актуализированы отсутствие пессимизма, равнодушия, тревог и страхов среди населения.

Таким образом, в процессе исследования было установлено, что в кластерах с условно интегральным, кризисным и низким уровнем социальной безопасности на первый план выходят условия для обеспечения в регионах отдельных видов безопасности. В то время как для экспертов региона с интегральным уровнем безопасности первостепенное значение имеют отдельные направления деятельности некоммерческих организаций, как элемент гражданского общества. Данный факт подтверждает гипотезу о взаимообусловленности социальной безопасности и социального доверия, выступающих фундаментом для формирования институтов гражданского общества в современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верешко С. С. Институциональное доверие как фактор экономического развития. *Studarctic forum*, 2020, 1 (17), 28–34.

Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 2003, No. 4–5, 79–85.

Максимова С. Г. Перспектива реализации фундаментальных исследований особенностей формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности современной России. В кн.: *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт*

и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Барнаул, 2020. С. 456–460.

Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Межличностное и институциональное доверие как показатели формирования гражданского общества в различных по социально-экономическому развитию субъектах Российской Федерации. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2016, 9 (143), 184–191.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Суртаева О. Е. Институциональное доверие и развитие гражданского общества. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2017, 6 (152), 185–189.

Малкина М. Ю., Овчинников В. Н., Холодидин К. А. Институциональные факторы политического доверия в современной России. Журнал институциональных исследований, 2020, 12 (4), 77–93.

Морев М. В. Факторы институционального доверия в зеркале региональных социологических измерений. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2018, 4 (3), 86–104.

Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Математико-статистический анализ социальной безопасности в приграничных регионах России: опыт построения типологии. Society and Security Insights, 2020, 3 (2), 104–131. URL: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-07)

Орехова Е. А. Культура доверия как фактор формирования гражданского общества. В кн.: Современная экономика и управление: подходы, концепции, модели: материалы II Международной научно-практической конференции. Саратов, 2016. С. 152–154.

Поливаева Н. П. Институциональное доверие/недоверие как черта и фактор политического сознания масс. Центральный научный вестник, 2019, 4 (2), 65–67.

Реутов Е. В. Реутова М. Н. Социальное доверие в российском обществе: тенденции и противоречия. Россия и современный мир, 2014, 1 (82), 173–181.

Черепанова М. И., Горбунова А. А., Сарыглар С. А. Социальное доверие в условиях риска и неопределенности. Социология в современном мире: наука, образование, творчество, 2020, No. 12, 78–82.

Черепанова М. И., Максимова С. Г. Доверие и безопасность. Society and Security Insights, 2019, 2 (4), 34–39.

Черепанова М. И., Максимова С. Г., Сарыглар С. А. Социальный капитал Алтайского края: как доверие определяет безопасность. Society and Security Insights, 2020, 3 (2), 132–149.

Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества. Коммуникология: электронный журнал, 2019, 4 (3), 74–82.

REFERENCES

Vereshko, S. S. (2020). Institutional Trust as a Factor of Economic Development. *Studarctic Forum*, 1 (17), 28–34.

Zabolotnaya, G. M. (2003). Fenomen doveriya i ego social'nye funkcii [The phenomenon of trust and its social functions]. *Bulletin RUDN. Series: Sociology*, no 4–5, 79–85.

Maksimova, S. G. (2020). Perspektiva realizacii fundamental'nyh issledovanij osobennostej formirovaniya doveriya v sisteme sohraneniya social'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii [Prospects for the implementation of fundamental research on the features of the formation of trust in the system of preserving social security in modern Russia]. *Fundamental'nye problemy gumanitarnyh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh proektov RFFI* [Fundamental problems of humanities: experience and prospects for the development of research projects of the RFB] (pp. 456–460). Barnaul.

Maksimova, S.G., Morkovkina, A. G. (2016). Mezhlichnostnoe i institucional'noe doverie kak pokazateli formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v razlichnyh po social'no- ekonomicheskomu razvitiyu sub'ektah Rossijskoj Federacii [Interpersonal and Institutional Trust as Signs of the Formation of Civil Society in Subjects of the Russian Federation of Different Socio-Economic Development]. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*, 9 (143), 184–191.

Maksimova, S. G., Noyanzina, O. E., Omel'chenko, D. A., Surtaeva, O. E. (2017). Institucional'noe doverie i razvitie grazhdanskogo obshchestva [Institutional Trust and Civil Society Development]. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*, 6 (152), 185–189.

Malkina, M. Yu., Ovchinnikov, V.N., Holodilin, K. A. (2020). Institucional'nye faktory politicheskogo doveriya v sovremennoj Rossii [Institutional Factors of Political Trust in Contemporary Russia]. *Journal of Institutional Studies*, 12 (4), 77–93.

Morev, M. V. (2018). Faktory institucional'nogo doveriya v zerkale regional'nyh sociologicheskikh izmerenij [Institutional trust factors in the mirror of regional sociological dimensions.]. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*, 4 (3), 86–104.

Omelchenko, D. A., Maximova, S. G., Noyanzina, O. E. (2020). Matematiko-statisticheskij analiz social'noj bezopasnosti v prigranichnyh regionah Rossii: opyt postroeniya tipologii [Mathematical and statistical analysis of social security in border regions of Russia: experience of typology building]. *Society and Security Insights*, 3 (2), 104–131. Available at: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-07)

Orehova, E. A. (2016). Kul'tura doveriya kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva [The culture of trust as a factor in the formation of civil society]. In: *Sovremennaya ekonomika i upravlenie: podhody, koncepcii, modeli: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern economics and management: approaches, concepts, models: materials of the ii international scientific and practical conference], (pp. 152–154). Saratov.

Polivaeva, N.P. (2019). Institucional'noe doverie/nedoverie kak cherta i faktor politicheskogo soznaniya mass [Institutional trust / distrust as a trait and factor of the political consciousness of the masses]. *Central Scientific Bulletin*, 4(2), 65–67.

Reutov, E.V. Reutova, M.N. (2014). Social'noe doverie v rossijskom obshchestve: tendencii i protivorechiya [Social trust in Russian society: trends and contradictions]. *Russia and Modern World*, 1 (82), 173–181.

Cherepanova, M. I., Gorbunova, A. A., Saryglar, S. A. (2020). Social'noe doverie v usloviyah riska i neopredelennosti [Social trust in the face of risk and uncertainty]. *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*, no 12, 78–82.

Cherepanova, M. I., Maximova, S. G. (2019). Doverie i bezopasnost' [Trust and Security]. *Society and Security Insights*, 2 (4), 34–39.

Cherepanova, M. I., Maximova, S. G., Saryglar, S. A. (2020). Social'nyj kapital Altajskogo kraja: kak doverie opredelyaet bezopasnost' [Social capital of the Altai Territory: how trust determines security]. *Society and Security Insights*, 3 (2), 132–149.

Cherkashin, M. D. (2019). Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor social'noj konsolidacii obshchestva [Public trust to the authorities as a factor of social consolidation of society]. *Communication: e-magazine*, 4 (3), 74–82.